

П. КАСЫМКИНА

ПОЛЕ МАКОВ.

ОБЪЯТИЯ ВЕСНЫ

Полина Касымкина

Поле маков. Объятия весны

«Автор»

2025

Касымкина П. В.

Поле маков. Объятия весны / П. В. Касымкина — «Автор», 2025

Маки цветут только там, где пролилась кровь. Весна — это не только тепло и солнце. Это сделка. Древний договор между Богом Света и Богиней Холода. Веками люди жили в страхе перед их силой, зная: пока Круг Времени вращается, мы в безопасности. Но что, если древний танец богов — это ложь? Одна ошибка, один дерзкий взгляд, один запретный поцелуй — и равновесие рухнет. Древнее пророчество начинает сбываться: зима не уходит, а на проталинах вместо подснежников всходят кроваво-красные маки. Кто-то бросил вызов небесам. И теперь нам всем предстоит узнать цену гнева богов.

© Касымкина П. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Круг времён	5
Часть I. Весна	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Полина Касымкина

Поле маков. Объятия весны

Пролог. Круг времён

Говорят, что весна – это улыбка бога Ярилы. Говорят, что зима – это холодные объявления богини Марены. Нам говорят, что их союз – это священный танец, поддерживающий жизнь. Нам лгут. Старая Домна знала правду. В тот вечер, когда она швырнула в костер полынь, заставив пламя взреветь, мы поняли: их союз – это тюрьма. – Ярило должен уйти к ней, чтобы мир не рухнул, – шептала травница, и тени плясали на её лице. – Без смерти нет рождения. – Но что, если он не захочет уходить? – спросила я тогда, еще глупая и смелая. – Что, если кто-то разорвет этот круг? Домна посмотрела мне прямо в глаза, и в её взгляде я увидела пепелище. – Тогда, девочка, мир захлебнется. Маки прорастут сквозь снег и будут цвести на крови.

Часть I. Весна

Глава 1

Деревня гудела, как растревоженный улей. Смех, песни, звонкие девичьи голоса разносились над избами, где дым из труб мешался с запахом свежих блинов и мёда. На площади пылали костры, пламя лизало небо, а искры взлетали, будто звёзды, решившие спуститься на землю. Девушки в венках из соломы и ярких лент кружились в хороводах, юбки вихрились, как снежные вихри. Мужчины в цветных кафтанах, расшитых узорами, подбрасывали дрова в огонь и громко хохотали, похваляясь, кто дальше прыгнет через костёр.

Масленица была в самом разгаре – праздник прощания с зимой и встречи весны.

На краю площади, ближе к тёмному лесу, стояло чучело Марены. Соломенная фигура в белом платье, с венком из сухих веток, смотрела на толпу пустыми глазами. Её лицо, наспех вырезанное из дерева, казалось Светозаре слишком живым – будто богиня следила за весельем, не одобряя его. Девушка куталась в шерстяной платок, её пальцы нервно теребили край

косы. Вокруг все радовались, пели, обнимались, а в её груди будто зияла пустота, холодная, как зимний ветер, что всё ещё прятался в тенях.

– Светозара, иди к нам! – крикнула Лада, её подруга с румяными щеками и смеющимися глазами. Она уже вплела в косу алую ленту и теперь кружилась с другими девушками, держась за руки. – Не стой столбом, весна пришла!

Светозара выдавила улыбку, но шага не сделала. Её серо-зелёные глаза скользнули по сияющим от счастья лицам и остановились на чучеле Марены. Огонь уже подобрался к его подолу, и солома занялась, выбрасывая в небо сноп искр. Толпа взревела, запела громче, приветствуя уход зимы. «Да сгинет холод! Да придёт тепло!» – кричали мужчины, а женщины подхватывали, их голоса сливались с треском пламени.

Но Светозара не чувствовала тепла. Она смотрела, как чучело горит, и ей чудилось, что в огне мелькают тени – не просто отблески, а что-то живое, холодное, наблюдающее. Её пальцы сжали платок сильнее, а сердце кольнуло тревогой, будто кто-то шепнул: «Зима ещё здесь».

Светозара отошла от края площади, где гудел праздник, и направилась к шатру травницы Домны. Там, в тени, пахло сушёными травами и смолой, а суета деревни казалась чуть тише. Домна сидела на низкой лавке, её узловатые пальцы ловко перебирали пучки полыни и зверобоя. Рядом стояли глиняные горшки с отварами, от которых поднимался лёгкий пар, а на земле лежали корзины с кореньями. Дети, кашляющие после зимних холодов, подходили к ней, и Домна, ворча, но с добротой, вливала им в рты горькие настойки.

– Ну, девица, не стой столбом, – бросила Домна, не поднимая глаз от работы. – Поддай мне вон ту корзину, с ромашкой.

Светозара послушно шагнула вперёд, протянула корзину и осталась рядом, помогая раскладывать травы. Её движения были точными, привычными – она часто помогала травнице, зная названия растений лучше многих. Но даже здесь, среди знакомого дела, она чувствовала себя лишней. Словно дикая трава, что растёт на краю поля: красивая, но не к месту.

– Ты чего такая смурная? – Домна наконец взглянула на неё, прищурившись. – Масленица же, весна идёт. Все радуются, а ты будто на похоронах.

Светозара пожала плечами, отводя взгляд. На площади девушки снова закружились в хороводе, их смех звенел, как колокольчики. Лада поймала её взгляд и помахала, но Светозара лишь кивнула в ответ. Ей хотелось раствориться в этом веселье, стать такой же, как они, – лёгкой, беззаботной, своей. Но что-то внутри, словно невидимая стена, держало её в стороне.

– Я будто чужая в своём доме, – тихо сказала она, глядя на свои руки, испачканные соком трав. – Все поют, смеются, а я... не могу. Словно не для меня этот праздник.

Домна хмыкнула, но в её глазах мелькнула тень понимания. Она отложила пучок трав и потянулась к горшку, помешивая отвар.

– Не всем весна радость, – пробормотала она. – Есть такие, как ты, – слишком чуткие. Слышат, что другие не слышат. Видят, что другие не видят. Это дар, Светозара. И бремя.

Светозара хотела ответить, но слова застряли в горле. Она посмотрела на площадь, где огонь пожирал чучело Марены, и почувствовала холодок в груди. Будто кто-то смотрел на неё издалека, из тени, где ещё не растаял зимний снег.

Огонь взревел, когда дрова под чучелом Марены наконец занялись по-настоящему. Искры взметнулись в небо, словно стая огненных птиц, а толпа взорвалась криками радости. «Гори, зима! Уходи, Марена!» – ревели мужчины, подбрасывая в пламя сухие ветки. Женщины хлопали в ладоши, а дети прыгали, пытаясь дотянуться до искр. Запах горелой соломы смешался с ароматом блинов, и воздух стал густым, почти осязаемым. Чучело корчилось в огне, его белое платье чернело, а деревянное лицо таяло, искажаясь в гримасе.

Светозара подошла ближе, привлечённая этим зрелищем. Её глаза не отрывались от пламени, где тени плясали, сплетаясь в странные формы. Вдруг в самом сердце костра ей почудилось нечто живое – женский облик, высокий и стройный, с развевающимися чёрными воло-

сами, словно крылья ворона. Тень Марены? Девушка моргнула, но видение не исчезло: оно смотрело на неё из огня, глаза его были ледяными, а губы шевелились, хотя ни звука не доносились. Сердце Светозары заколотилось, как пойманная птица, и она сделала шаг назад, споткнувшись о корень.

Ветер налетел порывом, раздувая пламя, и в его шуме ей послышался шёпот – тихий, но ясный, словно кто-то стоял у самого уха: «Ты нарушишь круг». Слова эхом отдались в голове, холодные, как иней на рассвете. Светозара оглянулась – вокруг только смеющиеся лица, никто не смотрел на неё, никто не шептал. Лада всё ещё кружилась в хороводе, а Домна спокойно разливала отвары. «Показалось,» – подумала девушка, пытаясь унять дрожь в руках. Но шёпот не уходил, он затаился в груди, как семя, готовое прорасти. Огонь пожрал чучело до конца, оставив лишь тлеющие угли, а ветер унёс пепел в ночь.

Пламя костра угасло, оставив после себя тлеющие угли, но веселье не утихло. Молодёжь собралась у другого огня, поменьше, на краю площади, где дрова были сложены в аккуратный круг. Парни и девушки выстроились в ряд, разбегаясь по очереди и прыгая через пламя – древний ритуал очищения, чтобы сжечь зимние беды и войти в весну чистыми, как новорождённые листья. Смех разносился эхом, кто-то падал, но вставал, отряхиваясь и хохоча ещё громче. Лада прыгнула грациозно, её юбка взметнулась, как крылья бабочки, и толпа заплодировала. «Очистилась! Теперь жениха жди!» – кричали подруги, и все вокруг сияли от радости, лица румяные от жара и вина.

Светозара стояла в стороне, у старого забора, оплетённого плющом. Она не присоединилась к прыжкам, хотя Лада звала её дважды. Ветер трепал её волосы, выбивая пряди из косы, и они падали на лицо, как тени от надвигающихся туч. Девушка обхватила себя руками, пытаясь согреться, но холод внутри не уходил – он сидел глубоко, как корень в земле. Вокруг все пели старую песню о весне, слова которой вились в воздухе, как дым: «Зима сгорела, тепло пришло, сердца расцветут, как мак в поле». Но для Светозары эти слова были пустыми, словно эхо в пустой избе.

Вдруг на забор рядом с ней опустился ворон – чёрный, как ночь, с блестящими глазами, что отражали отблески костра. Он каркнул раз, потом ещё, громко и резко, будто предупреждал о чём-то. Светозара вздрогнула, её взгляд метнулся к птице, и на миг ей показалось, что ворон смотрит прямо на неё, не мигая. Никто вокруг не заметил – молодёжь продолжала прыгать, смеяться, обниматься у огня. Лада кружилась с каким-то парнем, их силуэты сливались в танце. А ворон каркнул в третий раз и взмахнул крыльями, но не улетел, лишь переступил по забору ближе. Холод пробежал по спине девушки, и она шепнула: «Уйди...» Но птица не послушалась, а ветер усилился, неся с собой запах дождя и чего-то древнего, забытого.

Веселье на площади достигло пика, когда староста Мирон вышел вперёд, поднимая руки к небу. Его борода, седая и густая, трепетала на ветру, а голос гремел над толпой, перекрывая смех и песни. Он был в своём лучшем кафтане, расшитом золотыми нитями, и все затихли, уважительно склонив головы. Мирон обвёл взглядом лица односельчан – румяные от жара костров, сияющие от надежды на новый год. Дети прижались к матерям, а молодёжь замерла в ожидании.

– Зима ушла, весна пришла! – провозгласил он твёрдым, как дуб, голосом. – Да будет так всегда! Пусть реки разольются, поля зазеленеют, а сердца наши наполнятся теплом. Боги услышат нас, и круг времён продолжится без сбоев!

Толпа взревела в ответ, эхом повторяя его слова. Мужчины хлопали по плечам, женщины обнимались, а дети визжали от восторга, кидая в воздух последние куски блинов. Огонь на площади угасал, но искры ещё танцевали в воздухе, словно прощаясь с зимой. Праздник подходил к концу, и люди начали расходиться по избам, унося с собой тепло костров и обещание весны. Лада, запыхавшаяся от танцев, подбежала к Светозаре, схватила её за руку.

– Пойдём, подруга! Ещё не поздно прыгнуть через огонь, очисти душу! – её глаза блестели, щёки пылали.

Но Светозара мягко высвободила руку, качая головой. Она стояла у забора, где ворон наконец взмахнул крыльями и улетел в ночь, оставив после себя лишь эхо карканья. Девушка повернулась к тлеющему чучелу Марены – теперь это была лишь куча пепла, чёрная и безжизненная, с редкими искрами, что угасали одна за другой. Ветер подхватывал пепел, разносил его по площади, и он оседал на земле, как первый снег. Светозара смотрела на это, и странная тоска сжала её грудь, словно невидимая рука. Все вокруг радовались, а она чувствовала пустоту, холодную и глубокую, будто в душе её затаилась тень.

Люди уходили, их голоса затихали в темноте, а она осталась одна у остывшего костра. Ветер шептал в ушах, и в его порывах ей снова почудился тот шёпот: «Ты нарушишь круг». Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, но тоска не уходила. В её сердце почему-то было холодно, словно зима ещё не ушла.

Глава 2

Солнце только-только выглянуло из-за горизонта, окрашивая небо в нежно-розовые тона, когда Светозара вышла из своей маленькой избы на краю деревни. Воздух был свежим, пропитанным запахом тающего снега и пробуждающейся земли. Капли с крыш падали с тихим плеском, словно маленькие серебряные колокольчики, а под ногами хрустел последний лёд, сдаваясь теплу. Вокруг расстилались поля, ещё белые, но уже с пятнами сырой земли, где пробились первые подснежники – крошечные, упрямые, как надежда.

Девушка шла к лесу, неся в руках глиняный кувшин для воды и корзинку для трав. Её тёмно-русые волосы, заплетённые в простую косу, слегка трепал утренний ветерок, а серо-зелёные глаза задумчиво скользили по горизонту. Ночь Масленицы ещё эхом отдавалась в её душе: смех подружек, запах блинов с мёдом, треск костра, где горело чучело Марены. Все радовались, прыгали через пламя, желая очищения и новой жизни. А она... она стояла в стороне, чувствуя себя чужой, как дикая трава в ухоженном огороде. Почему-то в её сердце не было той лёгкости, что у других. Словно внутри неё таилось что-то лишнее, неуместное, что не позволяло слиться с общим весельем.

«Может, это из-за того, что я сирота? – думала Светозара, ступая по узкой тропинке, ведущей к реке. – Или потому, что всегда слышу больше, чем говорят слова? Ветер шепчет, вороны каркают – и мне кажется, они предупреждают о чём-то». Она вздохнула, поправляя косу. Деревня за спиной казалась далёкой, а лес впереди манил своей тишиной. Там, у реки, она всегда чувствовала себя спокойнее. Может, сегодня вода смоет эту тоску, и она вернётся домой с полным кувшином и горстью свежих трав для Домны. Ведь весна пришла – пора просыпаться.

Светозара остановилась у самого края реки, где вода лениво лизала берег, покрытый тонкой коркой льда. Над рекой лежал белый туман, густой и холодный, словно саван, укрывающий мир от солнца. Он стелился так низко, что касался её ног, и от этого прикосновения по коже пробегали мурашки. Тишина вокруг была странной, почти пугающей – ни щебета птиц, ни шелеста ветра в ветвях, даже река, обычно звонкая от набегающих друг на друга льдин, молчала, будто затаила дыхание. Светозара невольно сжала ручку кувшина сильнее, чувствуя, как сердце стучит в груди, словно предчувствуя что-то неизбежное.

Она опустила на колени, склоняясь над водой, чтобы набрать её в кувшин. Холод речной глади обжёг пальцы, и она поморщилась, но продолжила, стараясь не замечать, как туман клубится вокруг, будто живой. Её отражение в воде дрожало, расплываясь, и вдруг... оно изменилось. Светозара замерла, не веря глазам. Вместо её лица в воде отразилось нечто иное. Золотистый свет, будто солнечный луч, вплетённый в её тень, и глаза, горящие, как два огня. Она ахнула, отшатнувшись, и кувшин чуть не выскользнул из рук. Вода плеснула на берег, и там, где капли коснулись земли, внезапно пробились крошечные зелёные ростки, словно весна торопилась родиться прямо у её ног.

– Что это? – прошептала она, оглядываясь. Туман не рассеивался, но в нём, на другом берегу, проступила фигура. Юноша в белой рубаше, вышитой золотом, стоял неподвижно, глядя прямо на неё. Его волосы сияли, как солнечные лучи, а на голове красовался венок из одуванчиков и подснежников, будто он принёс с собой лето. Его глаза, золотистые, горели так ярко, что Светозара почувствовала тепло, несмотря на холод тумана. За его спиной снег таял, обнажая траву, и цветы распускались прямо под его ногами, словно земля приветствовала его шаги.

Она не могла отвести взгляд. Страх и восторг смешались в её груди, заставляя сердце биться быстрее. Кто он? Видение? Дух? Или... Она вспомнила рассказы Домны, песни Масленицы, и имя само сорвалось с губ:

– Ярило?..

Он улыбнулся, и от этой улыбки туман дрогнул, а река вдруг запела, тихо, но ясно, как хрустальный колокол. Светозара почувствовала, как её пальцы дрожат, а в груди разливается тепло, которого она не знала прежде. Туман медленно отступал, и солнечные лучи пробились к воде, заставляя её искриться. Но в этом сиянии она видела только его – и знала, что этот миг изменит всё.

Он шагнул к воде, и под его босыми ногами снег растаял, обнажая влажную, тёмную землю. Её пальцы сжали кувшин так сильно, что глина скрипнула, а сердце билось так громко, что, казалось, его стук заглушает звон реки. Она знала, кто он, – имя всплыло из глубин памяти, из сказаний Домны, из песен Масленицы, но оно было слишком большим, слишком тяжёлым для этого момента.

Его взгляд не отпускал её, сияющий и ясный, как солнечный луч, но в нём была древняя сила, словно сама земля смотрела на неё его глазами. Светозара почувствовала, как её щёки горят, а дыхание перехватывает. Он продолжал стоять на другом берегу, разделённые рекой, но казалось, что он ближе, чем кто-либо когда-либо был. Она смотрела на Ярилу, всё ещё стоявшего на другом берегу. Его улыбка была мягкой, но в ней таилась сила, от которой воздух вокруг казался живым. Ветер, что только что трепал её косу, вдруг стих, оставив тишину, такую

глубокую, что слышно было, как река запела громче, её звонкий голос отражался от берегов. Туман, что окутывал реку, рассеялся окончательно, и солнечные лучи хлынули на воду, превращая её в зеркало, где отражались их силуэты – её, с тёмно-русой косой, и его, сияющего, как само солнце. Светозара почувствовала, как её сердце сжалось от смеси страха и восторга. Она боялась этого чуда – цветов, что расцветали не в своё время, реки, что пела, как живая, – но в то же время не могла отвести глаз от него, от этого света, что наполнял всё вокруг теплом.

Река звенела всё громче, и в её голосе Светозаре почудился шёпот – не угроза, а обещание, как сам мир. Она сжала руки, чувствуя, как холод речной воды на её пальцах сменяется теплом, будто его взгляд грел её изнутри. Она была очарована – его светом, его силой, тем, как мир вокруг оживал, повинаясь одному его присутствию. Но страх не уходил: что, если это чудо – не дар, а предвестник чего-то большего, чего она не сможет понять? Её дыхание стало чаще, а в груди закололо, словно сердце знало больше, чем она сама.

Она сглотнула, собирая остатки смелости, и её голос, дрожащий, как тонкая ветка на ветру, разорвал тишину.

– Кто ты? – спросила она, и её слова повисли над водой, словно лёгкий туман.

– Я тот, кого зовут каждую весну, – ответил он, и его голос был тёплым, как солнечный луч, но глубоким, как корни старого дуба. – Без меня земля не проснётся.

Она знала это имя. Её губы дрогнули, и имя вырвалось само, тихо, почти благоговейно.

– Ярило...

Он улыбнулся шире, и от этой улыбки река зазвенела, а подснежники у берега, будто приветствуя его, раскрыли свои лепестки. Он шагнул ближе к воде, и трава под его ногами зазеленела, словно весна торопилась за ним.

– А ты? – спросил он, и в его голосе было тепло, смешанное с любопытством, будто её имя было загадкой, которую он хотел разгадать. – Как тебя зовут?

Светозара замерла. Её имя вдруг показалось ей слишком простым для этого момента, но она подняла глаза, встречая его взгляд, и ответила:

– Светозара.

Он повторил её имя медленно, словно пробуя его на вкус:

– Светозара...

В тот же миг река вспыхнула звоном, чистым и ясным, как колокол, разносящийся по берегам. Ростки, что пробились из пролитой воды, раскрыли крошечные цветы, а воздух вокруг задрожал, будто сам мир прислушался. Светозара почувствовала, как тепло разливается по её груди, словно его голос разбудил в ней что-то спящее. Его взгляд, сияющий и прямой, не отпускал её, и в этот миг она поняла: этот момент – начало чего-то, от чего уже не отступить.

Ярило ещё мгновение смотрел на Светозару, его волшебные глаза сияли, словно в них отражалась вся весна, весь свет пробуждающейся земли. Затем он повернулся, и его фигура, лёгкая, как утренний луч, шагнула в лес. Золотистые волосы вспыхнули в солнечном свете, а белая рубаха, вышитая золотом, казалась сотканной из самого утра. Он уходил, и там, где ступали его босые ноги, трава зеленела, а крошечные цветы – одуванчики, подснежники – распускались, будто прощаясь с ним. Его силуэт растворялся в лучах солнца, что пробивались сквозь кроны, и вскоре он исчез, словно стал частью света, частью леса, частью мира, который ожил от его присутствия.

Светозара осталась на берегу, всё ещё сжимая пустой кувшин. Её сердце билось так сильно, так неистово, что казалось, оно принадлежит не ей, а реке, ветру, цветам, что окружали её. Она смотрела на другой берег, где он только что стоял, и в ушах всё ещё звучало её имя, произнесённое его голосом: «Светозара...» Река продолжала звенеть, но теперь её голос был тише, словно оплакивал его уход. Ростки, что пробились из пролитой воды, покачивались на ветру, их листочки дрожали, будто хранили его тепло.

Она опустилась на колени, глядя в воду. Её отражение дрожало, но в нём не было того золотого света, что она видела, когда он смотрел на неё. Только её лицо – бледное, с серозелёными глазами, полными смятения и чего-то нового, чему она не могла дать имени. Лес вокруг ожил: птицы запели, ветер прошелестел в ветвях, а солнце согрело её лицо, но в груди всё ещё жило это странное чувство – смесь восторга и страха, словно она коснулась чего-то запретного. Она знала, что должна вернуться в деревню, к Домне, но ноги не слушались. Её взгляд всё ещё искал его среди деревьев, там, где свет играл с тенями.

С того утра её судьба уже не принадлежала самой себе.

Глава 3

Светозара открыла глаза, когда первые лучи солнца, пробрались сквозь щели в ставнях. Её сердце колотилось, словно после долгого бега, а на губах всё ещё теплилась улыбка от вчерашней встречи у реки. Она села на постели, потянулась, чувствуя, как тело наполняется необычной лёгкостью, будто воздух стал гуще и слаще.

Она распахнула ставни, и в комнату хлынул тёплый ветер, полный аромата тающего снега и мокрой земли. Но что-то было не так. Ночь прошла слишком мягко, без привычного морозного укуса, который обычно цеплялся за пальцы до самого рассвета. Снег, ещё вчера покрывавший крыши и тропинки толстым слоем, почти весь растаял. Лишь редкие белые пятна блестя на солнце, словно воспоминания о зиме, спешащие уйти.

Девушка вышла во двор, ступая по влажной траве, которая уже пробивалась зелёными иголками. Её коса, заплетённая наспех, качнулась на спине, ловя золотистые блики. В деревне царило оживление: женщины ахали у огородов, склоняясь над грядками. Там, где вчера была мёрзлая земля, теперь торчали первые ростки – тонкие, но упрямые, как будто весна решила не ждать своего часа и ринулась вперёд, опережая календарь.

– Смотрите, сестрицы! – крикнула одна из соседок, указывая на свой участок. – Морковь уже нос показывает, а ведь Масленица только вчера была! Что за диво?

Светозара замерла, слушая их перешёптывания. Её собственные руки, коснувшиеся забора, вдруг почувствовали тепло, поднимающееся от дерева. Почки на ветках сирени набухли прямо на глазах, готовые вот-вот лопнуть. Сердце девушки сжалось от смеси радости и странного беспокойства. "Это из-за него, – подумала она, вспоминая золотистые глаза Ярилы. – Из-за того взгляда у реки". Но пока что утро сияло, и деревня казалась сказочной, полной обещаний.

Светозара пошла к дому Домны. Солнце поднималось выше, заливая всё вокруг мягким светом, и с каждым её шагом трава под ногами будто оживала. Там, где она проходила, зелень пробивалась быстрее, словно земля торопилась раскрыть свои тайны. Девушка замечала это, но старалась не думать, списывая всё на игру света или собственное воображение. Однако деревенские дети, бегавшие за ней по пятам, видели больше.

– Светозара, смотри! – крикнул мальчишка по имени Ваня, указывая на тропинку позади неё. Там, где она только что прошла, среди ещё влажной земли ярко зеленели молодые ростки, а одинокий подснежник раскрыл свои лепестки, будто приветствуя её. – Ты что, весна в косе? – засмеялся он, и другие дети подхватили, окружая её и наперебой повторяя: «Весна в косе! Весна в косе!»

Светозара смущённо улыбнулась, но внутри её сердце сжалось. Она остановилась, поставила корзину на землю и коснулась пальцами старого дуба у околицы. Кора была тёплой, почти живой, и в тот же миг на ветке над её головой набухла почка, а затем раскрылась в крошечный лист, яркий, как изумруд. Дети ахнули, а Светозара отдернула руку, словно обожглась. «Это не я, – подумала она, но в груди шевельнулся страх. – Это он. Его сила... или его дар?»

Она поспешила дальше, к дому Домны, но по пути замечала, как природа откликалась на её присутствие.

Светозара вошла в избу Домны. Внутри пахло сушёным зверобоем и мятой, а в очаге потрескивали дрова, наполняя комнату тёплым светом. Старуха сидела за столом, перебирая пучки трав, её пальцы, узловатые, как корни старого дуба, двигались с привычной ловкостью. Но когда Светозара шагнула через порог, Домна подняла взгляд – острый, пронзительный. Девушка невольно замерла, чувствуя, как тепло в груди сменяется холодком.

– Что, девица, всё звёзды в глазах ловишь? – голос Домны был низким, с хрипотцой, но в нём сквозила тревога, будто старуха уже знала то, о чём Светозара лишь начинала догадываться. Она отложила травы и медленно поднялась, опираясь на посох, вырезанный из тёмного ясеня. – Слыхала я, что творится в деревне. Огороды за одну ночь расцвели, будто середина весны настала. А ведь Масленица только вчера пылала. Не к добру это, ох, не к добру.

Пальцы Светозары сжали край рубахи, а в памяти всплыли зелёные ростки, что пробивались под её шагами, и лист на дубе, раскрывшийся от одного касания. Она хотела возразить, сказать, что это просто тёплая ночь, что весна всегда торопится, но слова застряли в горле, как сухая трава. Домна шагнула ближе, её глаза, выплывшие от времени, но всё ещё острые, будто видели саму душу.

– Слишком рано, – сказала она, понизив голос до шёпота, от которого по спине побежали мурашки. – Весна должна знать свой срок. Она не просто приходит – она ждёт, пока зима отпустит. А коли торопится, коли цветы лезут из земли, не спросясь, – это знак. Иначе лето станет бедой, помяни моё слово.

Светозара почувствовала, как сердце сжалось, будто в него вонзился холодный шип. Она вспомнила Ярилу – его сияющие глаза, его шаги, от которых таял снег, и цветы, что распускались в его присутствии. "Это из-за него, – подумала она, и страх, как тень, накрыл её радость. – Это из-за меня". Но вслух она не сказала ничего, лишь кивнула, опустив глаза. Домна покачала головой, её губы сжались в тонкую линию, и она вернулась к травам, пробормотав:

– Береги себя, Светозара. Не всё, что цветёт, несёт добро.

Девушка вышла из избы, и тёплый ветер, ещё недавно такой ласковый, теперь казался ей слишком горячим, почти обжигающим. Праздник весны, что вчера гремел смехом и песнями, вдруг обернулся тревогой, словно тень легла на солнечный свет. Где-то вдали, над лесом, послышался хриплый крик, и Светозара вздрогнула, чувствуя, как её радость тает, как последний снег под солнцем.

Слова старухи эхом отдавались в голове: "Слишком рано, девица... весна должна знать свой срок". А что, если это правда? Что, если её встреча с Ярилой – не чудо, а предвестие беды?

Она остановилась у старого дуба, того самого, где раньше раскрылся лист от её касания, и прислонилась к стволу, чувствуя, как грубая кора царапает спину сквозь тонкую рубаху. Глаза Ярилы, сияющие, как расплавленное золото, снова встали перед ней, и сердце сжалось от сладкой боли. "Кто он? – думала она, сжимая кулаки. – Бог, дух или просто сон, который слишком ярко светит?" Вчера у реки она почувствовала себя живой по-настоящему, впервые за все семнадцать лет своей жизни. Его взгляд проник в самую глубину души, разбудил что-то дикое, неукротимое, словно река, вышедшая из берегов. Радость переполняла её, как вода в половодье, но теперь эта радость смешивалась со страхом, густым и липким, как осенний туман.

"Если это чудо – почему оно кажется опасным?" – шептала она про себя, глядя на свои руки. Пальцы дрожали, и она вспомнила, как трава зеленела под её шагами, как дети бежали следом, крича о весне в косе. А что, если это не дар, а проклятие? Деревня всегда видела в ней чужую – сироту, взятую на воспитание из милости, с глазами, которые слишком пристально смотрят в лес, и мыслями, которые улетают дальше, чем положено простой девке. Подружки шутили, что она "дикая трава", красивая, но не к месту, а теперь... теперь она чувствовала, что эта "дикость" оживает, растёт внутри, как те ростки на огородах. Желание увидеть Ярилу снова жгло изнутри, как огонь в костре, но страх шептал: "А если это нарушит всё? Если весна, пришедшая слишком рано, принесёт не урожай, а голод?"

Светозара опустила на землю, обхватив колени руками, и уставилась на горизонт, где лес встречался с небом. Ветер трепал её косу, и в его шуме ей чудился шёпот: "Вернись к реке... увидь его снова". Но слова Домны не давали покоя – они были как иней на цветах, красивый, но убивающий. Она закрыла глаза, пытаясь унять хаос в душе. Радость и страх сплетались в один узел, и она знала: если развязать его, мир вокруг изменится навсегда. А может, уже изме-

нился? Вдали, над лесом, пролетела стая птиц, и их крики показались ей предостережением. "Я должна понять, – решила она наконец, поднимаясь. – Но как? Как выбрать между сердцем и судьбой?" С этим вопросом она пошла дальше, но внутри бушевал конфликт, который не мог разрешиться одним лишь шагом.

Вечер опустился на деревню мягко, как лёгкий платок, укрывая дома и поля тёплыми сумерками. У колодца на краю деревни собрались люди – женщины с кувшинами, старики с посохами, молодёжь, всё ещё напевающая песни Масленицы. Воздух дрожал от гула голосов, смеха и звона вёдер, а над горизонтом догорал закат, окрашивая небо в багряные и золотые тона. Светозара стояла чуть в стороне. Её мысли всё ещё кружились вокруг слов Домны, но она старалась улыбаться, ловя взгляды подружек, что хихикали и перешёптывались неподалёку.

Вдруг земля под её ногами дрогнула – едва заметно, как вздох спящего зверя. Светозара замерла, чувствуя, как холодок пробежал по спине. Она опустила глаза и ахнула: прямо у её ног, из сухой, ещё не прогретой земли, пробился тонкий стебель, увенчанный ярко-алым маком. Его лепестки раскрылись, словно пламя, сияя в сумерках так, будто в них запеклась кровь заката. Мак дрожал на ветру, одинокий и невозможный, ведь весна только началась, и цветам таким было не время.

– Матушка-богиня! – вскрикнула одна из женщин. Люди вокруг замолкли, их взгляды устремились к Светозаре и алому цветку у её ног. Кто-то ахнул, кто-то перекрестился, а старый дед Влас, опираясь на посох, пробормотал: – Знак это... Знак недобрый.

Подружки Светозары, только что смеявшиеся, отступили на шаг, их лица исказились смесью удивления и страха. Одна из них, Рада, сжала ладони у груди, шепча: – Как это, Светозара? Откуда мак в такую пору? – Её голос дрожал, и в нём уже не было привычной насмешки, только насторожённая тень.

Светозара стояла, не в силах отвести взгляд от цветка. Её сердце билось так громко, что, казалось, его стук разносится над колодцем, заглушая шёпот толпы. Она чувствовала на себе десятки глаз – одни полные благоговения, другие подозрительные, почти враждебные. "Это он, – мелькнула мысль, и образ Ярилы, сияющего, как солнце, вспыхнул в её памяти. – Это его дар... или его проклятие?" Она хотела нагнуться, коснуться мака, но пальцы задрожали.

Толпа загудела громче, и чей-то голос, резкий и высокий, прорезал вечер: – Нечистое дело! Весна не в срок, цветы не в пору! – Светозара подняла глаза и увидела, как несколько женщин отступают дальше, крестясь, а мужчины переглядываются, сжимая кулаки. Мак у её ног горел в сумерках, как предупреждение, и в этот миг она поняла: что-то изменилось. Не только в ней, но и в тех, кто смотрел на неё.

Она чувствовала, как взгляды односельчан жгут её, словно угли. Толпа начала расходиться, но шёпот не умолкал – он плёлся за ней, как тень, полный подозрений и страха. Мак у её ног всё ещё горел алым в сгущающихся сумерках, его лепестки слегка дрожали на ветру,

будто живые. Девушка не могла отвести от него глаз, словно цветок держал её за сердце, не позволяя двинуться с места.

Шаги за спиной заставили её вздрогнуть. Она обернулась и увидела Домну, чья фигура, сгорбленная и тёмная, словно выросла из самой земли. Старуха подошла медленно, опираясь на посох, её глаза, выцветшие, но острые, остановились на маке. Она молчала, но её лицо было мрачнее тучи, что собиралась над лесом. Наконец, она подняла взгляд на Светозару, и её голос, тихий, как шорох сухих листьев, прорезал вечернюю тишину:

– Береги себя, девица. Когда цветы цветут не в своё время – беда идёт следом.

Светозара сглотнула, чувствуя, как слова старухи ложатся на сердце тяжёлым камнем. Она хотела спросить, хотела рассказать про Ярилу, про реку, про тепло, что разливалось в груди от его взгляда, но горло сдавило, и она лишь кивнула. Домна посмотрела на неё ещё мгновение, затем повернулась и ушла, её шаги растворились в шуме ветра. Люди вокруг уже разошлись, оставив Светозару одну у колодца, с маком, что сиял, как звезда в ночи.

Она опустилась на колени, глядя на цветок. Его алые лепестки казались живыми, пульсирующими, будто в них текла кровь. Ветер донёс далёкий крик ворона, и девушка вздрогнула, чувствуя, как холод пробирается под кожу, несмотря на тёплый вечер. «Это знак» – подумала она, и её сердце сжалось от смеси страха и предчувствия.

Глава 4

Вечер опустился на деревню мягко, как покрывало из тонкого льна. Светозара шла по узкой тропинке к своей избе, ступая босиком по ещё теплой земле, где дневное солнце оставило следы своего дыхания. В воздухе витал запах свежей травы и первых цветов, а в её сердце – лёгкая, непривычная радость, словно внутри расцветал тот самый мак, что пробился у колодца сегодня днём. Красный, яркий, не по сезону, он стоял одиноко среди зелёных ростков, и она знала: это подарок. От него. От Ярилы.

Она вошла в избу, где воздух был густым от аромата сушёных трав, висевших под потолком. Старая Домна уже ушла, оставив на столе миску с мёдом и хлебом, но Светозара едва прикоснулась к еде. Её мысли кружили вокруг той встречи у реки, вокруг золотистого взгляда, что проник в самую душу. "Он увидел меня, – подумала она, снимая платье и расплетая косу. – Не как чужую, а как... свою". Тёмно-русые волосы упали на плечи волной, и она улыбнулась своему отражению в маленьком медном зеркальце. Серо-зелёные глаза сияли, ловя отблеск свечи.

Ложась на соломенный тюфяк, укрытый грубой шерстяной тканью, она почувствовала, как тело расслабляется, а сердце бьётся чаще, чем обычно. Радость переполняла её, теплая, как летний полдень, хотя за окном ещё веял весенний ветерок. "Завтра я пойду к реке снова, – шептала она про себя, закрывая глаза. – И он будет там. Должен быть". Мысль о маке вернулась: его лепестки, алые, как закатное солнце, казались знаком. Подарком от бога, который сошёл на землю не для всех, а для неё одной.

Вдруг Светозара оказалась в поле. Не в том зелёном, живом поле, где сегодня пробился мак, а в другом – бесконечном, сером, где земля лежала под тонким слоем снега, хрупкого, как старый пергамент.

Весны здесь не было и в помине. Воздух стоял тяжёлым, неподвижным, пропитанным запахом мокрой земли и чего-то металлического, как вкус крови во рту. Светозара стояла посреди этого поля босиком, и её ноги утопали в снегу по щиколотку, но холод не щипал кожу – он просто был, как часть дыхания этого места. Она огляделась: вдали темнел лес, чьи ветви гнулись под невидимым грузом, а небо над головой висело низко, свинцовое, без единой звезды. Ни пения птиц, ни шелеста листьев – только тишина, такая густая, что в ушах звенело от неё.

"Где я?" – подумала она, и эхо её мысли утонуло в этой безмолвной пустоте, не вернувшись обратно. Цветы, что она видела днём – те первые, робкие подснежники у реки, – здесь тоже были, но их лепестки покрывал иней, тонкий, как паутина, искрящийся в сером свете. Они не колыхались на ветру, потому что ветра не было, и казались замороженными в миг своего рождения: прекрасными, но мёртвыми. Река, что протекала неподалёку, – та самая, где она встретила Ярилу, – теперь стояла недвижимой, скованная льдом. Лёд этот был прозрачным, как слеза, и в его глубине отражались тени – смутные, человеческие, словно души, запертые в стеклянной клетке.

Светозара шагнула вперёд, и снег хрустнул под её ногами, как сухие кости. Сердце стучало чаще, но не от страха – пока что от недоумения. "Это сон, – шептала она себе, пытаясь разглядеть знакомые приметы. – Просто сон, от вчерашней усталости. Проснусь – и снова утро, река, мак у колодца". Но чем дальше она шла, тем гуще становилась эта странная пустота. Небо темнело, и в нём, словно трещины в глине, проступали первые тени облаков – чёрные, рваные, как перья ворон. А в воздухе повис лёгкий шёпот, не слова, а просто звук – холодный, как дыхание из ледяной пещеры, обещающий что-то неизбежное.

Она остановилась у реки, опустила на колени и коснулась льда кончиками пальцев. Холод просочился в кожу, но не жёг – он просто заполнял, как вода в пересохший ручей, и в этом прикосновении было что-то знакомое, древнее, как сама земля под ногами. В отражении на льду она увидела не своё лицо – не те серо-зелёные глаза, ловящие свет, а что-то иное: бледное, с чертами, которые могли быть её, но искажённые, как в кривом зеркале. И в этот миг шёпот усилился, превращаясь в далёкий, еле слышный зов: "Иди... иди ко мне..."

Поле вокруг неё начало меняться – медленно, незаметно, как смена сезонов в старых сказках Домны. Снег под ногами стал толще, иней на цветах – серебристее, а тишина – гуще, словно сама природа затаила дыхание, ожидая. Светозара поднялась, чувствуя, как в груди нарастает комок – не страх, а предчувствие, то самое, что она всегда ощущала на краю леса, когда вороны каркали слишком громко. И тогда из тумана, что стелился по земле, как саван, начала проступать фигура – высокая, стройная, белая, как первый снег.

Туман над полем сгустился, стал плотным, как саван, и медленно расступился, словно подчиняясь невидимой воле. Из него выступила фигура – высокая, худая, точно сотканная из зимнего света. Марена. Её одеяние, белое, как первый снег, струилось, не касаясь земли, и казалось, что оно движется само по себе, как дыхание метели. Чёрные волосы, длинные и блестящие, словно крылья ворона, вились за её спиной, извиваясь, как тени на ветру. Они не просто отражали свет – они пили его, оставляя вокруг себя сумрак, холодный и глубокий.

Её глаза, белые, без зрачков, смотрели прямо на Светозару, и от этого взгляда сердце девушки сжалось, как от прикосновения льда. В этих глазах не было ни тепла, ни гнева – только пустота, древняя и неподвижная, как замёрзшая река. Светозара чувствовала, как её дыхание становится тяжёлым, будто воздух в лёгких превращается в иней. Она хотела отступить, но ноги её словно вросли в мёртвую землю, покрытую тонким слоем снега, хрупкого, как высохшая кожа.

Вокруг Марены закружились вороны – чёрные, с перьями, блестящими, как обсидиан. Их крылья рассекали тишину резкими хлопками, а крики, хриплые и пронзительные, звучали, как предупреждение, как голос самой судьбы. Они вились над полем, не касаясь земли, и их тени падали на снег, рисуя узоры, похожие на трещины во льду. Одна из птиц, самая крупная, с глазами, горящими, как угли, опустилась на плечо богини, но Марена не шелохнулась. Её лицо оставалось неподвижным, точно вырезанным из мрамора, а волосы шевелились, будто живые, сплетаясь с тенями ворон.

Поле вокруг неё оледенело ещё сильнее. Цветы, что ещё хранили слабый намёк на жизнь, покрылись серебристым инеем, их лепестки хрустели и осыпались, как стеклянная пыль. Река, скованная льдом, отражала эту фигуру, но в её глубине Светозара видела не чёткий силуэт, а смутное марево, словно сама Марена была не человеком, не богиней, а воплощением чего-то большего – зимы, смерти, конца всего живого. Холод от неё расходился волнами, и снег под ногами Светозары стал глубже, цепляясь за её босые ступни, как жадные пальцы.

Она стояла, не в силах отвести взгляд от этой фигуры, и чувствовала, как в груди растёт комок – не страх, а предчувствие, тяжёлое, как камень. Вороны закричали громче, и их голоса сплелись в хор, от которого кровь стыла в жилах. Марена не двигалась, но её присутствие заполнило всё: поле, небо, тишину. Она была здесь не для того, чтобы говорить, – она была здесь, чтобы напомнить. О чём, Светозара ещё не знала, но в глубине души уже чувствовала: эта встреча изменит всё.

Марена шагнула ближе, и снег под её ногами не хрустнул – он растаял в тонкий, искрящийся иней, будто сама земля уступала её воле. Вороны, кружившие над ней, затихли, но их тени всё ещё метались по полю, как отголоски надвигающейся бури. Светозара стояла, замерев, чувствуя, как холод проникает в её грудь, словно ледяной палец, касающийся сердца. Но она не отвела взгляда от белых, пустых глаз богини, хотя каждый вдох давался всё тяжелее, будто воздух стал стеклом.

– Ты думаешь, он твой? – голос Марены был холодным, как треск льда на реке, но в нём не было ни злобы, ни насмешки – только спокойная, неотвратимая правда. – Но он всегда мой. Когда лето угасает, он возвращается ко мне.

Слова эти упали на Светозару, как снег на голые ветки, тяжёлые и неподъёмные. Она ощутила укол в груди – не боль, а что-то острое, как память о вчерашнем маке, о золотистом взгляде Ярилы у реки. Её губы дрогнули, и она, собрав всю смелость, что теплилась в ней, ответила, хотя голос её был тише ветра:

– Зачем ты его держишь?

Вопрос вырвался сам собой, почти детский, полный негодования и отчаяния. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и посмотрела прямо в лицо Марены, ожидая ответа. Вороны за спиной богини разом вскрикнули, их голоса эхом разнеслись по полю, но Марена даже не шелохнулась. Её чёрные волосы шевельнулись, словно тени, и в белых глазах на миг мелькнуло что-то – не гнев, а печаль, древняя, как сама земля.

– Не я, – ответила она, и её голос стал ещё ниже, почти шёпот, но от него мороз пробежал по коже Светозары. – Судьба. Без смерти не будет жизни. Без зимы не будет весны.

Слова эти были простыми, но в них была сила, тяжёлая, как камни на дне реки. Светозара хотела возразить, хотела крикнуть, что это несправедливо, что Ярило – не тень, не часть какого-то круга, а тот, кто заставил её сердце биться впервые. Но слова застряли в горле, будто

замёрзли, как цветы под инеем. Марена смотрела на неё, и в её взгляде не было угрозы – только уверенность, холодная и неизбежная, как ночь, что приходит после заката.

Вороны снова закричали, и их крики сплелись с шёпотом ветра, который теперь поднялся, холодный и резкий, трепля волосы Светозары. Она почувствовала, как её босые ноги мёрзнут в снегу, но не отступила. В её груди горел маленький, упрямый огонёк – тот самый, что вспыхнул у реки, когда Ярило назвал её по имени. И этот огонёк не давал ей опустить глаза.

– Ты не можешь его забрать, – прошептала она, но её голос дрожал, как лист на ветру.

Марена не ответила. Она лишь слегка наклонила голову, и её волосы, чёрные, как ночь, упали на плечо, где сидел ворон. Птица повернула голову, посмотрела на Светозару своими угольными глазами, и в этот миг поле вокруг стало ещё темнее, словно небо решило проглотить последние крупницы света.

Марена сделала ещё один шаг, и снег под её ногами растаял в серебристый иней, рассыпаясь, как звёзды, упавшие на землю. Она была так близко, что Светозара чувствовала её дыхание – не тёплое, как у живых, а холодное, как зимний ветер, что крадётся в щели изб. Вороны затихли, их крылья замерли в воздухе, и поле погрузилось в тишину, такую глубокую, что казалось, будто сам мир перестал дышать. Белые глаза богини смотрели прямо в душу, и Светозара ощутила, как её сердце замедляет ход, словно подчиняясь этому взгляду.

Марена медленно подняла руку, тонкую, как ветвь, покрытую инеем, и положила её на плечо Светозары. Прикосновение было ледяным, но не просто холодным – оно жгло, как огонь, только наоборот, вытягивая тепло из тела, из мыслей, из самой жизни. Светозара задрожала, её дыхание сбилось, и она хотела отшатнуться, но ноги её не слушались, словно корни, вросшие в мёрзлую землю. Рука Марены была тяжёлой, как судьба, и в этом холоде было что-то неизбежное, будто сама смерть коснулась её.

Богиня наклонилась ближе, так близко, что её чёрные волосы, блестящие, как вороны крылья, коснулись щеки Светозары. Они были холодными, как шёлк, пропитанный росой. Марена заговорила, и её голос, тихий, как шёпот ветра в зимнюю ночь, проник в самую глубину сознания девушки:

– Ты можешь гореть с ним... или остаться одна в холоде. Другого пути нет.

Слова эти были лёгкими, но упали на сердце Светозары, как камни в глубокий колодец, отзываясь эхом. Она хотела закричать, возразить, но горло сжалось, а лёгкие будто заполнились льдом. В глазах Марены, пустых и белых, мелькнуло что-то – не угроза, не насмешка, а тень печали, как будто богиня знала, что её слова – не проклятие, а правда, которую нельзя избежать. В этот миг поле вокруг них потемнело, и вороны, до того молчавшие, разом взмахнули крыльями, подняв в воздух вихрь чёрных перьев.

Прикосновение Марены стало невыносимым – холод жёг кожу, проникая всё глубже, до костей, до самого сердца. Светозара почувствовала, как её тело сотрясает дрожь, а перед глазами мелькают образы: алое пламя, цветущие маки, золотистые волосы Ярилы, тонущие в снегу. Она закричала – или ей показалось, что закричала, – и в этот миг мир вокруг раскололся, как лёд под ударом.

Она рывком села на своём тюфяке, вцепившись пальцами в грубую ткань одеяла. В избе было темно, свеча давно погасла, и только слабый лунный свет пробивался сквозь щели в ставнях. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди, а плечо, где во сне лежала рука Марены, всё ещё жгло холодом, как будто богиня и вправду коснулась её. Светозара прижала ладонь к плечу, пытаясь унять дрожь, но холод не уходил, словно впитался в кожу.

За окном раздался резкий, хриплый крик ворона, и она вздрогнула, чувствуя, как волосы на затылке шевелятся. Тени в избе казались гуще, чем обычно, и в них чудились очертания – то ли крыльев, то ли длинных чёрных волос. "Это был сон, – шептала она себе, но голос дрожал. – Просто сон". Но в глубине души она знала: это было больше, чем сон. Это было предупреждение.

Утро пришло тихо, словно крадучись на цыпочках. Сквозь щели в ставнях пробивались тонкие лучи солнца, золотя пылинки в воздухе избы. Светозара лежала неподвижно, всё ещё сжимая одеяло, её дыхание было неровным, а сердце колотилось, как после долгого бега. Сон о Марене не отпускал – холод её прикосновения всё ещё жалил плечо, а слова, сказанные шёпотом, звенели в ушах: «Ты можешь гореть с ним... или остаться одна в холоде». Она моргнула, пытаясь отогнать видение, но тени в углу избы казались слишком длинными, слишком живыми.

Резкий звук заставил её вздрогнуть. На подоконнике, прямо за деревянной ставней, сидел ворон. Его чёрные перья блестели в утреннем свете, как обсидиан, а глаза, тёмные и неподвижные, смотрели прямо на неё. Он не каркнул, не шевельнулся – просто смотрел, и в этом взгляде было что-то, как будто сама ночь оставила своего стража следить за ней. Светозара медленно поднялась, чувствуя, как по спине пробегает холод, не связанный с утренней прохладой. Она подошла к окну, её босые ноги коснулись холодного земляного пола, и приоткрыла ставню. Ворон не улетел. Он лишь слегка повернул голову, и его взгляд стал ещё острее, будто он видел не только её тело, но и мысли, спрятанные глубоко внутри.

Она отшатнулась и посмотрела вниз, на траву под окном. Весна была в разгаре – земля уже покрылась зелёными ростками, а где-то вдалеке слышался звонкий смех детей, бегающих по деревне. Но под её окном трава была покрыта тонким слоем инея, серебристым и хрупким, словно дыхание зимы задержалось здесь на одну ночь. Иней лежал только там, узкой полосой, как след от чьих-то шагов, и исчезал в нескольких шагах от избы, где начиналась тёплая, живая трава. Светозара замерла, её пальцы вцепились в деревянный подоконник, а ворон на окне вдруг каркнул – раз, резко, как предупреждение.

Дверь избы скрипнула, и в проёме появилась Домна. Её серебряные волосы были расчёпаны, а лицо, морщинистое, как кора старого дуба, казалось ещё суровее, чем обычно. Она вошла, опираясь на узловатую палку, и её взгляд тут же упал на ворона. Старуха остановилась, её глаза расширились, и она быстро перекрестилась, пробормотав что-то невнятное, похожее на старую молитву. Потом она посмотрела на Светозару, и в её голосе, обычно язвительном, но добром, прозвучала тревога:

– Девица, хранители зимы уже глядят на тебя.

Светозара хотела спросить, что это значит, но слова застряли в горле. Домна шагнула к окну, стукнула палкой по подоконнику, и ворон, наконец, взмахнул крыльями, улетая в небо с хриплым криком. Но иней под окном не растаял, даже когда солнце поднялось выше и его лучи коснулись травы. Старуха посмотрела на Светозару, и её взгляд был тяжёлым, как камни на дне реки.

– Что ты видела во сне, девочка? – спросила Домна, но в её голосе не было любопытства, только настороженность.

Светозара молчала, чувствуя, как холод из сна возвращается, заполняя её изнутри. Она не ответила, но её пальцы невольно коснулись плеча, где всё ещё горел ледяной ожог.

В груди девушки боролись два чувства: тепло, что осталось от воспоминания о нём, и холод, что принёс сон о Марене. Она прижала руки к груди, словно пытаясь удержать этот маленький огонёк, который разжёт Ярило у реки. Пальцы её всё ещё дрожали, а плечо ныло, как от настоящего ожога, но она стиснула зубы и прошептала, так тихо, что даже Домна не услышала:

– Я всё равно его увижу...

Голос её был слабым, но в нём горела упрямая решимость, как в той дикой траве, что пробивается сквозь камни. Она закрыла глаза, и перед ней снова вспыхнули образы: алое пламя мака, золотистый свет в глазах Ярилы, чёрные волосы Марены, струящиеся, как тьма. Ветер за окном шептал что-то невнятное, и в этом шёпоте ей чудился голос богини, холодный и неотвратимый.

Домна шагнула к ней, её палка стукнула о земляной пол, но Светозара не обернулась. Старуха хотела что-то сказать, но лишь вздохнула, качая головой, и вышла, оставив девушку одну. Тишина в избе стала тяжёлой, как снег перед бурей.

Глава 5

Светозара бежала по тропинке к реке, босые ноги скользили по влажной от росы земле. Простая льняная рубаха, подпоясанная вышитым поясом, трепетала на ветру, а кувшин в её руках покачивался в такт торопливым шагам. Утро дышало свежестью, воздух был пропитан запахом тающего снега и пробуждающейся травы. Туман стелился над полями, мягкий и белый, словно саван из её сна о Марене, но он не пугал – он манил, обещая встречу.

Сердце девушки билось быстро, отзываясь на каждый шаг. Сон о ледяной богине всё ещё холодил душу – те белые глаза, тот голос, что звучал, как треск льда: «Он всегда мой». Но сильнее страха горело желание увидеть Ярилу, чей золотой взгляд заставлял снег таять, а её сердце – петь. «Если он там, – шептала она, сжимая кувшин так, что пальцы побелели, – я спрошу его. Я узнаю правду».

Тропинка вилась меж низких холмов, и река уже блестела впереди, серебристая и живая. Её шум вплетался в утреннюю тишину, как зов, обещающий ответы. Туман густел, обволакивая голые ветви деревьев, и в его клубках чудились шёпоты – то ли ветер, то ли голоса духов, что предостерегали или звали ближе. Светозара поправила косу, выбившуюся из-под платка, и ускорила бег, чувствуя, как земля под ногами теплеет, будто приветствует её. Страх от сна всё ещё холодил грудь, но тоска по Яриле пылала ярче, как пламя, что не погасить даже зиме.

Она добежала до реки. Вода впереди казалась зеркалом, скрытым под белой пеленой, и только лёгкий плеск выдавал её движение. Девушка замерла, вслушиваясь: тишина была почти полной, лишь редкие капли падали с веток, да где-то вдали каркнул ворон – или это эхо сна? Сердце её стучало, как барабан в хороводе, и она подумала: "А если его нет? Если всё это лишь моя глупая мечта?"

Но вот туман дрогнул, словно от чьего-то прикосновения, и в просвете показалась фигура. Ярило стоял, неподвижный, как статуя из света. Его белая рубаха переливалась в утренних лучах, вышитая золотыми нитями, что казались живыми – они искрились, будто пойманные солнечные блики. Волосы, светлые и длинные, падали на плечи волнами, и от них исходило тепло, растапливающее последние клочки снега у его ног. На голове – венок из свежих цветов: подснежники, примулы, даже ранние васильки, которых в это время года не водилось. Он повернулся к ней, и его золотистые глаза встретились с её взглядом – прямые, пронизывающие, как солнечный луч сквозь листву.

Светозара ахнула тихо, не в силах отвести глаз. "Он здесь," – пронеслось в голове, и страх из сна растворился, уступив место волне тепла, что разлилось по груди. Ярило улыбнулся – медленно, нежно, и от этой улыбки туман за клубился, отступая, как подчиняясь его воле. Река зазвенела, вода забурилась у берегов, и где-то в глубине вспыхнули искры – или это отражение его глаз? Он шагнул ближе, и земля под ним отозвалась: трава зазеленела мгновенно, ростки пробивались сквозь почву, а воздух наполнился ароматом цветущих лугов.

– Ты пришла, – сказал он голосом, глубоким и тёплым. В нём не было вопроса, только радость, и Светозара почувствовала, как её ноги сами несут вперёд, хотя разум ещё шептал: "Беги, это не для тебя". Но бежать она не хотела. Хотела стоять здесь, у этой реки, и смотреть на него вечно.

Светозара стояла в шаге от Ярилы, чувствуя, как его тепло обволакивает её, словно солнечный луч, пробившийся сквозь утренний туман. Река пела за его спиной, и в её шуме она слышала отголоски их первой встречи – тот миг, когда он произнёс её имя, и вода зазвенела, как колокол. Сон о Марене всё ещё цеплялся за края её мыслей: ледяные глаза, вороньи крылья, холодный шёпот. Но здесь, перед Ярилой, этот страх растворялся, как иней под солнцем. Она сжала края шали, чтобы унять дрожь в пальцах, но её серо-зелёные глаза, ловящие свет, были полны решимости.

Ярило смотрел на неё, и его золотистые глаза сияли, как спелая пшеница под полуденным солнцем. Венок из первоцветов на его голове переливался, будто сплетённый из солнечных нитей, а белая рубашка, вышитая золотом, колыхалась на ветру. Он шагнул ближе, и под его босыми ногами трава выпустила тонкий зелёный росток, обвивший край её сапога, словно приветствуя её.

– Я знал, что ты придёшь, – сказал он, и его голос был мягким, как тёплый ветер, но в нём звенела сила, как в реке перед половодьем. – Ты слышишь мой зов так же, как земля слышит весну.

Светозара вдохнула резко, чувствуя, как его слова оседают в груди, сладкие и обжигающие, как мёд. Река отозвалась: волна ударила о берег, брызги взлетели, искрясь в лучах солнца, и аромат цветущих лугов наполнил воздух, несмотря на раннюю весну. Она вспомнила их первую встречу – его взгляд, от которого снег таял, а цветы распускались. Тогда она боялась, но теперь её тянуло к нему, как реку к морю.

– Ты бог... – прошептала она, и её голос дрогнул, выдавая смятение. – Я – всего лишь девица из деревни. Зачем смотришь на меня?

Ярило улыбнулся, и от этой улыбки река вспыхнула, будто в воде зажглись звёзды. Он наклонил голову, разглядывая её, словно видел не только её лицо, но и всё, что скрывалось в её сердце.

– Потому что ты единственная, кто видит меня не как праздник, а как живого, – ответил он, и в его голосе мелькнула нежность, смешанная с чем-то глубоким, почти печальным. – Ты видишь меня, Светозара, и я не могу отвести от тебя глаз.

Её сердце забилося быстрее, и она шагнула ближе, сократив расстояние между ними. Воздух стал гуще, словно пропитанный теплом его слов. Она хотела ответить, но слова застряли в горле. Вместо этого она подняла взгляд, и их глаза встретились – в его сиянии она увидела отражение своей надежды и своего страха. Река затихла, словно мир ждал, что она скажет, но в этот миг её сердце уже знало ответ.

Его пальцы коснулись её ладони – осторожно, словно он боялся спугнуть этот миг. В тот же миг её кожа вспыхнула теплом, будто луч солнца пробился сквозь облака и коснулся её сердца. Его рука была тёплой, почти горячей, но не обжигала – это тепло было живым, как дыхание земли после зимы.

Под их ногами трава задрожала. Тонкие зелёные стебли пробились сквозь влажную землю, закручиваясь спиралями, а из них, прямо на глазах, распускались цветы – подснежники, первоцветы, яркие, как звёзды в утреннем небе. Светозара ахнула, глядя вниз, где земля словно ожила, вторя их прикосновению. Цветы качались на ветру, которого уже не было: воздух вокруг стал неподвижным, густым, будто мир затаил дыхание. Птицы в кронах деревьев замолкли, и даже река притихла, оставив лишь лёгкий шёпот волн.

Светозара чувствовала, как тепло от его руки растекается по её венам, до самого сердца, и в этом тепле было что-то большее, чем просто касание. Оно было как обещание, как песня, что пела о весне, о жизни, о чём-то, что она ещё не могла назвать. Она подняла взгляд, и их глаза встретились снова. В его сиянии она видела не только радость, но и тень – словно он знал, что этот миг слишком хрупок, чтобы длиться вечно.

– Светозара, – прошептал он, и её имя в его устах прозвучало как заклинание, от которого цветы у их ног распустились ещё ярче.

Она не ответила, лишь крепче сжала его руку, чувствуя, как её сердце бьётся в такт с этой новой, живой землёй под их ногами.

Светозара всё ещё ощущала тепло его руки, но в этом тепле теперь таилась тревога, словно тень, упавшая на солнечный луг. Цветы у их ног сияли, как звёзды, трава вилась всё гуще, а река пела свою песню – но в её сердце вдруг вспыхнули слова из сна, холодные и тяжёлые, как иней на утренней траве: «*Он всегда мой*». Голос Марены, острый, как лезвие, прорезал её мысли, и она невольно вздрогнула. Взгляд Ярилы, полный света, всё ещё держал её, но теперь в его золотистых глазах она видела не только тепло, но и что-то неизбежное, как закат.

Она отдернула руку, словно обожглась, и шагнула назад. Цветы под её ногами качнулись, будто в растерянности, а река за спиной Ярилы издала низкий, почти угрожающий гул.

– Это опасно... – прошептала Светозара, и её голос был едва слышен за шумом воды. – Люди боятся того, что не понимают. А я... я видела её. Она не отпустит тебя.

Ярило нахмурился, и на миг его лицо стало серьёзнее, чем солнечный свет, что лился от него. Он шагнул к ней, но не коснулся – его рука замерла в воздухе, словно он чувствовал её страх.

– А если я не вернусь к ней? – спросил он, и в его голосе прозвучала дерзость, смешанная с отчаянием. – Если останусь здесь, с тобой?

В тот же миг земля под их ногами задрожала – не сильно, но достаточно, чтобы Светозара покачнулась и схватилась за его рукав. Река вздулась, волны ударили о берег с такой силой, что брызги долетели до их лиц, холодные и резкие, как предупреждение. Трава, только что зелёная и живая, на миг покрылась тонкой коркой инея, а цветы у ног Ярилы поникли, будто в страхе. Где-то в кронах деревьев каркнул ворон, и его голос разнёсся над водой, словно эхо слов Марены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.